

Участники обсуждали многоаспектную проблему здорового городского образа жизни. Характеризуются градостроительные, психологические, медицинские проблемы здоровья. Ставятся вопросы изменения генерального плана города и принципов его формирования, судьбы городских зеленых зон, влияние гражданского общества и общественных дискуссий на стратегическое направление развития города.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; здоровье; Иркутск; градостроительство; зеленые зоны; генеральный план; салютонный дизайн. /

The participants of the discussion spoke about many aspects of a healthy life in the city. They featured town-planning, psychological and medical issues of health. They touched upon changes in the city master plan and the principles of its elaboration, urban green areas and the impact of civil society and public discussions on the strategy of city development.

Keywords: healthy lifestyle; health; Irkutsk; town planning; green areas; master plan; salutogenic design.

Здоровье города и здоровье в городе /

подготовка текста

Марина Ткачева

фото

Евгения Сурикова /

text prepared by

Marina Tkacheva

photos by

Evgeniya Surikova

В феврале 2019 года в Иркутском Доме архитектора состоялся традиционный дискуссионный клуб. Участники обсуждали главную тему ПБ 60 – здоровье.

В обсуждении участвовали: председатель Комитета по социальной политике и культуре г. Иркутска, зам. мэра Виталий Барышников; издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор ИГУ Александр Гимельштейн; архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин (Россия – Болгария; по видеосвязи); президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», член-корреспондент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ) Андрей Макаров; член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренков; кандидат философских наук, доцент кафедры философии, искусствознания и журналистики, член Союза журналистов РФ Марина Ткачева; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНИТУ Алексей Чертилов; кандидат исторических наук, доцент ИГУ, политолог Сергей Шмидт.

Елена Григорьева Тема этого номера – ЗДОРОВЬЕ – имеет много разнонаправленных аспектов применительно к городу и его жителям. Вода. Воздух. Промышленность. Мусор. Комфортная среда. Появляются новые термины – «салютонный дизайн» (буквально – рождающий здоровье). Становится модным здоровый образ жизни; это устойчивое словосочетание превращается в аббревиатуру – 30Ж.

Зелень. Нейтрализация вредных факторов. Безопасность. Транспорт. Жилье. Высотки. Образ жизни. Спорт в городе. Персональный (или хотя бы по группам адресатов) подход к среде и ее элементам: жуткие яркие батуты вредны для некоторых категорий детей, и это уже не частное мнение эстетов, а официальное заключение медиков-психологов. Цвет и здоровье. Визуальный мусор. Шум. Качество интерьера и его влияние на телесное и психическое здоровье. Продолжительность жизни – очень важный момент. Увеличивается продолжительность жизни – растет процент пенсионеров; вместе с тем,

сами они молодеют как внешне, так и по образу жизни. И их интересы тоже нужно учитывать – чем они будут заниматься в дорогих нашему сердцу общественных пространствах.

Наконец, что такое здоровье вообще? Только ли отсутствие болезни? Существуют ли абсолютно здоровые люди?

Стоит начать разговор с градостроительства. Зеленые зоны, их трансформация в градостроительной документации; иногда они вдруг из зеленых превращаются в красные – зоны застройки.

Андрей Макаров Я принимал участие в формировании градостроительных регламентов нескольких городов, регионов. Конечно, это прежде всего Иркутск; очень интересен опыт Красноярска, а также Читы, Улан-Удэ, Грозного, Сочи. Особенности каждого города очевидны, но во всех этих городах общий интерес к теме был замечен в СМИ, интернете, городских дискуссиях. Не так давно был принят новый генплан Иркутска – и никаких споров! Почему, чем это можно объяснить? Генеральный план города – это всегда передел, изменение баланса городских территорий, причем, как правило, в сторону уменьшения зеленых зон, легких этого города. Власть, бизнес, общество мучительно ищут компромисс на слушаниях, при утверждении в Думе. В СМИ я не увидел ничего, в интернете тоже! Что произошло? Исчезли конфликты на территории?

Сергей Шмидт Первое соображение, которое приходит мне в голову. Дискуссия не возникла, потому что ее никто не инициировал. Разработчики генплана могли сделать это сознательно, при этом они поступили очень правильно, как я считаю, поскольку я с очень большим скепсисом отношусь к иркутским дискуссиям. Ведь иркутяне любят, но не умеют дискутировать. Обычно иркутские дискуссии поражают своей нерезультативностью – это такая уникальная способность не слышать друг друга и не говорить на одном языке. Поэтому, если бы я отвечал за создание генплана, я сделал бы все от меня зависящее, чтобы никакой дискуссии не возникало.

Сергей Маяренков Мне кажется, дело в неконкретно-

Health of the City and Health in the City

сти генплана: весь город сейчас делится на очень крупные территории, в которых возможно практически любое функциональное зонирование. Раньше план был цветной и дифференцированный по зонам, а стал монотонный, собранный в большие массивы. Эти большие массивы нивелируют все разнообразие или борьбу за более точную зону: нет необходимости бороться на уровне генплана. Споры будут возникать на уровне ПЗЗ либо на уровне проекта планировки.

Александр Гимельштейн Если нет цели создать общественную дискуссионную комиссию, то сама собой она может быть создана только теми людьми, которые были ущемлены. Из чего мы делаем вывод, что общественность не поняла, что она ущемлена.

Алексей Чертилов Надо задать вопрос: почему во власть приходят люди, которые не решают городских проблем? Общественности нет, поэтому разработанный ГП не в ее интересах, а в интересах конкретных властных групп. ГП становится удобным способом устранить конкурентов, поэтому они не заинтересованы в публичных дискуссиях.

АГ Я не вижу такой агрессивной силы у власти в Иркутске, которая может задавить всех субъектов возмущения в своих интересах.

АЧ Ресурс сегодняшней городской власти – юридическая поддержка. И процедура соблюдена, и информация не раскрыта.

СМ Информация публично выносилась на Думу, на общественные слушания; было несколько этапов обсуждения согласно принятым процедурам...

АЧ При этом общественная активность очень низкая.

ЕГ Но ведь горожане не могут быть не заинтересованы в том, чтобы они, и, тем более, их дети и внуки жили в здоровой среде. Однако народ безмолвствует. В чем причина?

АГ Во-первых, у общественности не хватает компетентности. Во-вторых, у нас имеется очень интенсивное, а в плане пиар-обеспечения – просто блестящее движе-

ние по созданию рекреационных зеленых пространств в Иркутске. Население считает, что эта работа не просто ведется, а ведется на принципиально лучшем уровне, чем раньше. И в какой-то степени это так. Я ровно такой же некомпетентный горожанин: я не смотрел ГП, имею о нем только самое общее впечатление. И у меня нет опасения (возможно, в отличие от более компетентных людей), что изъяты зеленые зоны.

СШ Мне кажется, если бы общественность поактивней зазвали, она пришла бы и сожрала всех живьем, как она обычно и делает.

АМ Когда я летом прошлого года общался с Марком Григорьевичем Мееровичем, как раз ГП разрабатывался. Я предложил ему позаниматься рекреациями в центральной части Иркутска, зелеными зонами. У нас эта тема уходит, а в Красноярске она случилась. Он мне ответил, что в Красноярске другая ситуация. У меня возник следующий вопрос: в чем причина? Он мне сказал вещь, которая меня поразила: в Иркутске нет гражданского общества.

СШ А в Красноярске вы почувствовали его присутствие?

АМ В Красноярске меня на слушаниях рвали на части вопросами: «Где сквер?»; «Нам парк нужен!»; «Реку не запыайте!»; «Что вы творите?»

АГ Откуда они все узнали?

АМ Оппозиция.

АГ Иначе Красноярск был бы таким же, как и Иркутск.

АМ Там экология хуже: черное небо, народ задыхается. Еще до того, как мы начали работать над генпланом, запретили строить завод. Несмотря на то, что уже были потрачены немалые деньги. Там протестное движение более активное.

ЕГ В нашем дискуссионном клубе уже не раз поднимался вопрос о том, что зеленое движение в Иркутске почти заглохло, а такое сильное градозащитное движение, как в Москве и Нижнем Новгороде, так и не возникло.

АГ У нас очень много любителей, но они все в соцсетях.

СШ Нет, локальные вспышки происходят: протестуют конкретные дома.

АГ А по поводу туберкулезной больницы уже не хватило протеста. Закончилось тем, что все остается. И политического прикрытия у протеста тоже нет. С. Тен пытается, но пока в решениях никто не подвинулся ни на шаг: ни Минздрав, ни правительство.

ЕГ Не странно ли? В Сибири, видимо, земли совсем не осталось, и туберкулезную больницу надо строить, уплотняя существующий микрорайон... Это, кстати, тоже сфера граддокументации.

СМ Сейчас мы все больше сталкиваемся с ситуацией, когда бюджетные решения по размещению объектов производятся не назначенными профессионалами-экспертами, а приурочены к свободным участкам земли, которая принадлежит соответствующему ведомству: сначала закладывается проект, а под него формируются все программы. Гораздо грубее, но похожим образом действовали собственники «Иркутских кварталов»: строят, а только потом узаконивают, веря, что «если построено, то не снесут же». Когда потрачены ресурсы, приняты решения, трудно вернуться к первоначальному положению. Таким образом, власть становится заложником своих же решений: для отмены принятого решения нет процедуры. Например, если программа принята в бюджете, вопрос состоит не в том, где строить, а строить ли вообще. А если отказаться и не строить – значит, расписаться в собственной некомпетентности.

СШ Могу предположить: если бы проект туберкулезной клиники был в районе Чертугеевского залива, то борьба с ним пошла бы интереснее.

АГ Всем наплевать на размещение больницы на Синюшиной горе: я имею в виду прокуратуру, природоохранные органы и т. д.

СМ Ну да, инфекционная клиника есть, пусть и туберкулезная будет, так, видимо, считают.

АЧ Они рассчитывали правильно: надо, чтобы она находилась в лесу, роще, недалеко от города, чтобы не создавать новую инфраструктуру, не увеличивать расходы на дороги, сети. Вот и нашли площадку, которая была утверждена заранее. Почему общественность не отбивалась?

АГ Я бы не хотел в своем дворе иметь туберкулезную больницу. Я понимаю, что такая больница должна быть, но почему она должна быть в непосредственной близости от жилья? Ведь больные не заключенные, они имеют право на прогулки, а инфекционная опасность тем самым увеличивается.

АЧ У нас во дворе решили построить многоэтажный дом, до этого подобных домов не было. На каждом подъезде вывесили объявление об общественном обсуждении. При встрече с жильцами я пояснил, что могу рассказать, что делать и как с этим бороться, если людям это надо. Но так никто и не пришел. Вот и гражданская позиция.

АГ Зато когда выстроят, то народ начнет нервничать. Такая ситуация была со зданием торгового центра «Лермонтов»: пока строился – никто не волновался, наверняка также проходили общественные слушания, которые у нас все инсценированы, зато потом начали возникать вопросы.

СШ В разговоре с обитателями Синюшиной горы я понял, что это не только опасность для здоровья, но и своего рода последняя капля в низкой репутации района: промзона, ТЭЦ, инфекционная больница, и еще будет туберкулезная больница. Кстати, кто поумнее, начинает соображать, что это снижение цен на недвижимость в районе.

АМ В свое время мы уже делали ГП Иркутска. Бульвар Гагарина мог бы превратиться тогда в жилой квартал. Многие иркутские бизнесмены приходили, и каждый для себя территорию выкраивал... Отбив набережную (кроме «Акулы», «Александровского сада» и «Нежного бульдога»), мы, по сути, сохранили эту часть города. Что будет дальше? Сегодня из ГП исчезли многие зеленые зоны; далее – проекты планировок не все обозначи-

ли. Будет ли сегодняшнее общество либо то, которое появится, отвоевывать эти куски – набережную, зеленое кольцо? Как дальше это будет происходить? Ведь по-прежнему все любят воду, траву, деревья. Автор этого ГП отвечает, что на последующих стадиях мы это оставим, мы все это удержим. Стоит ли вообще этим заниматься?

АЧ «Промстройпроект» сделал версию ГП проекта планировки Кировского района – центра города в 2008 году. В итоге завершённый городская администрация – заказчик – проект не пропустила, потому что разработчик был не согласен с отдельными позициями ГП, с давлением городских чиновников. И завершала другая организация – «ИркутскгипродорНИИ». Скомкали как надо, изменили все, что требовал заказчик. «Промстройпроект» сейчас даже не автор данного проекта. Опять заказывает семья – нет гражданского общества, нет дискуссий.

ЕГ Увы, на уровне генерального права позиции проиграны. Что происходит в сфере создания комфортной городской среды? Общеизвестно, что этому сейчас уделяется особое внимание. Тренд уже нескольких сезонов. Иркутск обратился к теме общественных пространств, их значения и качества за несколько лет до того, как это стало модным. Не случайно в нашем дискуссионном клубе мы регулярно ссылаемся на опыт 130-го квартала (проект создавался в 2009–2010 гг.) и продвижение проекта «Иркутские кварталы». Именно здесь создан прецедент: утверждены жесткие нормы по проценту озеленения – 20%. Буквально для каждого участка (а там очень много мелких собственников) прописано, сколько должно быть крупномерных деревьев – высоких, полноценно работающих на выработку кислорода. Это правильно? Надо ли это продвигать?

АЧ Принципиально правильно. Надо продвигать. Тут прозвучал тезис: здоровье – культура. Нет культуры – нет здоровья, нет городской среды. Культурный человек не позволит себе то, что позволяет себе бескультурный человек. Так же устроено и все общество: какова культура, такой и результат получим.

ЕГ Ваш прогноз: здоровье будет падать, потому что падает уровень культуры?

АЧ В городе ничего не делается для того, чтобы эта культура повышалась. Сегодня все, что происходит негативного, конечно, не бескультурье, но все же... Есть культура – будет здоровье. Но не наоборот.

ЕГ Однако борьба с курением дает какие-то результаты. Мода на ЗОЖ тоже существует. Хотя над ней и издеваются, но модно быть спортивным и стройным. На работу не примут, если ты плохо выглядишь.

СШ Я больше 30 лет хожу в одно и тоже здание – Чкалова, 2. Это корпус исторического факультета ИГУ. Хочу отметить, что такого небольшого количества курящих студентов, как сейчас, не было никогда. Сейчас можно фиксировать своего рода рекорд победы ЗОЖ. Хотя среди молодежи возникает и некая контртенденция: «Курение – это бунт против системы».

Тема салютотенного, валеологического, берегающего здоровья, укрепляющего здоровье города – это тема синего и зеленого: воды, неба и зеленого пространства. Я думаю, если проводить психологические опросы среди иркутян, то для них пересечением зеленого и голубого будет бульвар Гагарина, он ассоциируется со здоровьем. Я пытался найти нечто положительное в «Акуле», «Александровском саду» и «Нежном бульдоге», но они могут быть примером только того, как не надо делать. Рядом с историческим факультетом, не без нашего с Александром Владимировичем топонимического участия, стоит памятник десантнику. Это пример для демонстрации того, как пьедестал должен быть соразмерен самой фигуре: подходишь – и обнаруживаешь, что там размещен генерал ВДВ в полный рост, хотя издали он смотрится как ребенок по сравнению с пьедесталом.

АГ Это архитектурно-художественная секция градостроительного совета рассматривает такие предложения.

СШ Я имею возможность почти 23 года следить за тем, что происходит на бульваре. Готов признать, что бульвар и острова находятся в лучшем состоянии из всех, что мне приходилось видеть в постсоветском Иркутске. Два пункта могут спасти эти достижения. Состояние бульвара и островов – это предмет гордости городской власти и именно тот случай, когда есть на что указать. Второй

пункт. Сейчас в Иркутске в дееспособном активном возрасте находятся десятки тысяч горожан, у которых теплые воспоминания связаны с бульваром Гагарина. В этом случае если будут угрозы – то найдутся защитники. И власть должна быть заинтересована в сохранении зеленого и голубого. Я довольно долго жил в квартире с окнами на Ушаковку и знаю доподлинно: город ждет, когда в конце концов будут выполнены посулы Н. Чековой и Ушаковка станет цивилизованным рекреационным пространством. Сейчас же у людей принято стихийно приезжать для отдыха и загрязнять берег Ушаковки. На субботах работники мэрии чистят берега, всегда было приятно за этим наблюдать. Искать союзы зеленого, синего и голубого – есть где.

АГ На территории около курорта «Ангара» тоже есть потенциал.

ЕГ Нам с Андреем Юрьевичем довелось недавно увидеть проект, где остров Конный отдан под жилую застройку. На уровне здравого смысла – это невозможно. В проектных проработках некоторых местных урбанистов такие предложения уже существуют.

Константин Лидин Имеет смысл начать с того, что обозначает слово здоровье, потому что оно, к сожалению, ничего конкретного не обозначает. Мы еще более или менее договорились, что такое болезнь, но что такое здоровье, мы не договорились совсем. В Москве у меня недавно была аналогичная встреча с коллегами; удалось из врачей выдать хоть сколько-то внятное определение здоровья. Оно прозвучало парадоксально: здоровье – это способность реагировать на изменение внешней среды. Соответственно, здоровый человек – это тот человек, который может пережить изменение температуры, изменение давления, изменение рациона, голодовки и т. д., не теряя при этом жизнеспособности. Парадокс в том, что тут возникает выбор: либо мы здоровые люди, либо мы долгожители. То есть жизнь может быть либо здоровая, либо длинная: ведь в любом случае по мере накопления возраста снижается способность к адаптации, то есть

– здоровье. Естественная продолжительность жизни в естественной среде для таких животных, как люди – это 30–40 лет. То, что мы живем в 2–2,5 раза дольше, совершенно неестественно. И, чем ближе мы к естественной среде, тем более неестественно будет выглядеть такая продолжительность жизни.

Получается, что самая естественная среда – самая нездоровая. О каком здоровье вообще идет речь? Телесному здоровью уделяется больше внимания – на это работает целая медицинская промышленность. Телесное здоровье поддерживается на очень хорошем уровне: здоровое питание, строгий контроль, чистый воздух, отсутствие промышленности – для тела все хорошо, но для психики очень тяжело. Особенно это заметно в европейских городах. Здесь комфортно, но психологическая антисанитария дикая, аналогична той, которая в телесном плане была в средневековье. Тогда люди выплескивали в окна ночные горшки, а сейчас люди друг на друга выплескивают агрессию, совершенно не задумываясь о последствиях, загрязняя окружающую среду разрушительными эмоциями. В этом смысле Восточная Европа выглядит более нездоровой, чем родная Сибирь (хотя нельзя сказать, что в Сибири все любят друг друга). Но Восточная Европа в этом отношении намного хуже. Например, в Софии полно руин: вместо того, чтобы реконструировать старые ветхие здания, их просто бросают и строят новое поблизости. Расточительный подход, хотя места меньше, чем в Сибири. В результате город переполнен ветхими, брошенными, разрушающимися зданиями. Вот эти гниющие трупы зданий производят ужасное впечатление. Я хотел предложить разговор в этом направлении, и оно нас всех касается, хотя мы не врачи. Поговорим о психологической гигиене города и о том, как плохая архитектура, разрушающаяся архитектура может заразить город некрозом. Впечатление именно как от гангрены, и люди этим заражаются. Прямых угроз телесному здоровью вроде бы нет, но ощущение депрессии очень болезненное.

ЕГ Если проецировать на Иркутск, то такое впечатление производят сгоревшие деревянные здания. Только что была шокирована исчезновением одного здания

на привычном месте, на углу улиц Карла Либкнехта и Дзержинского. Пока так и не узнала его судьбу: исчезло навсегда или хотят реставрировать?

АЧ Этот объект на государственной охране, так что есть шанс, что отреставрируют.

СШ Красивая архитектура способствует смягчению нравов. Некрасивая архитектура способствует ужесточению нравов. Опыт иркутской жизни, опыт советского и постсоветского человека свидетельствуют именно об этом. Начиная со школы и больниц. Я побывал недавно в отреставрированной школе № 19. Сравнивал ее со школой, которую закончили мы с Александром Владимировичем (школа № 62), построенную, как положено – как фабрика, как тюрьма. Классическая школа 60-х годов постройки, действительно напоминающая казарму, по Мишелю Фуко. А школа № 19 – это школа из приключений Электроника: кажется, что Электроник выскочит из-за угла. Первая мысль была о том, что школьники в ней не должны оказаться такими жесткими. Возможно, конечно, они будут менее подготовлены к жизни.

АЧ Сомнительно, что красота спасет мир.

СШ Не спасение, а именно смягчение нравов.

ЕГ То, что пространство воспитывает – это понятно. Я это воспринимаю как аксиому. Осмелюсь возразить Константину Львовичу по поводу того, что «организм человека рассчитан на 30–40 лет». Многие ученые говорят, что наш организм рассчитан на 100–120 лет и даже более того; очень хочется верить им.

АЧ Ресурсов у человека больше, я в этом уверен. А если говорить про здания, то Иркутск действительно похож на Софию. Только причина другая: не потому, что хозяина нет, а потому, что создаются такие условия.

СШ В Иркутске я наблюдаю, что когда разрушенные и сгоревшие здания закрывают красивыми баннерами, это вызывает вспышку психологического здоровья. А через год-два, когда ничего не происходит, а баннер так и висит, как будто какое-то психотропное вещество тебя отпускает, и состояние становится еще более

унылым от того, что все те же сгоревшие бревна торчат из-под выцветшего баннера.

ЕГ Баннеры с нарисованными на них фасадами загадочны, не гарантируют не то что качества реставрации, но даже самого процесса.

То, что сейчас стали заниматься городской средой – необходимое лекарство для наших городов. Главным отличием наших городов от городов Европы всегда было не столько состояние самих домов, сколько отношение к земле между домами: благоустройство, озеленение, освещение, качество покрытия. В «Иркутских кварталах» по мере сил начали прибираться – и сразу возникает другое ощущение от пространства. Качественная среда повышает тонус, улучшает настроение, производит положительные эмоции. Метафора о 130-м квартале – не преувеличение, это действительно завод, который не дымит, а производит положительные эмоции и, одновременно, приносит солидный доход в бюджеты разных уровней. Однако и его надо лечить, поддерживать его здоровье. Улучшение среды необходимо, еще и потому что досуга в постиндустриальную эпоху становится все больше, да и гаджетовая революция позволяет нам работать где угодно – на улице, дома, в кафе... Возрастает и ценность общественных пространств. Сергей Юрьевич, расскажите нам, как вы, человек, глубоко погруженный в эту тему, видите идеальную городскую среду в центре Иркутска, в современном городе?

СМ Городская среда и гармония с природой в городе влияют на саму природу. И если мы игнорируем природные механизмы по ее самовосстановлению и самолечению, если мы не замещаем их некими экологическими решениями – тогда и воздух грязный, и дышать нечем, и ходить негде... Сейчас человечество разворачивает логику принятия решений на более длительный срок. Энергично развернулась дискуссия про устойчивое развитие, про поколенческие процессы. Для меня идеальный город – это город, который дает возможность жить многим поколениям вперед, дает место для нового, и для этого расширено пространство. Таким способом и с помощью таких механизмов город будет жизнеспособным. Мы сталкиваемся с большой проблемой: нет заказчика

на здоровый город, на здоровье. Люди пока живут очень короткими циклами принятия решений. Раньше власть жила циклом выборным, и это тоже не решало проблемы. А сейчас динамика смены власти, людей, команд такова, что цикл планирования стал полгода-год. Вопрос: а кто может держать долговременную и глобальную повестку? Ведь вопросы здоровья города решаются масштабными длинными циклами. Я пока не вижу, кто может это сделать. Реально существует разрыв между проектом изменений, которые длятся десятилетиями, и тем, что происходит сегодня. И чаще люди делают второй выбор, а не в пользу поколенческого длинного процесса.

ЕГ Сейчас много говорят о том, как воспитать, как руководить, как находить лидеров в городских сообществах. Надо сначала заразить такими долгосрочными целями городские сообщества, а уже потом, когда они будут носителями этой идеологии, появится шанс ее реализации?

СМ Мне кажется, это не может держаться на одном человеке: должны быть какие-то механизмы, которые выстраиваются над людьми. Когда, в широком смысле, строятся институты, сетевые сообщества, которые держат «длинную» повестку, которые видят, как изменяется загазованность, видят, на что влияет застройка. Сейчас это решается так: застроили, заработали здесь и сейчас – и вышли из процесса; больше ничего не важно. Получается махинация: сделали – продали, неквалифицированный потребитель купил, с проблемами столкнется только по прошествии лет. И все повторяется. В настоящее время таких объектов накапливается все больше, они начинают пустеть, арендаторы теряют к ним интерес. Квалификация потребителей постепенно повышается. Кто ориентируется на длинную перспективу, такие объекты не покупает, а кто на краткосрочную – покупает, потому что ему нужно сейчас; на другое у него денег нет, поэтому он выбирает «короткое» решение. Проблема здоровья городов и здоровья в городах выглядит так же. Люди не выбирают долгосрочные и поколенческие модели поведения, а беспокоятся только о сегодняшних интересах.

АГ Меня не смущает тезис о том, что власть меняется, нестабильна и т. д. Где найти более стабильный институт, чем Палата представителей Конгресса США? И где найти более нестабильный институт, чем та же самая палата, но с точки зрения ее комплектования – выборы каждые два года, не 4–5 лет. Это не является проблемой. Наш мэр почти весь срок отработал. Предыдущий отработал весь срок, предпредыдущий отработал 13 лет. Казалось бы, куда стабильнее. Хотя это не очень сказалось на преемственности, на задачах и т. д. Все-таки причина не в этом. Да, уровень линейный, уровень исполнительский, уровень топ-менеджеров – он у нас крепко менялся последние годы. По большому счету, об этом вообще думать не надо, потому что весомая политическая ответственность в Иркутске есть только у мэра и у Думы. Кого они там нанимают и как часто их меняют – не имеет значения, если они отвечают за результат. Если с них не спрашивают – значит, результат им по должности не предписан. Это к вопросу о том, где общественность, где общество. Пока, на данный момент, у меня нет никаких опасений за судьбу бульвара Гагарина и близлежащих окрестностей. Но поскольку у нас экономическое развитие не только в городе, но и в стране проседает и проседает, то можно представить себе темп, в котором начнут выдвигать рекреационные пространства. Вновь отстроенный «Союз», кроме всего прочего, усугубил транспортную проблему в Академгородке.

СШ Академгородок в ужасе ждет открытия Ледового дворца.

ЕГ Когда вопрос о новом стадионе только поднимался, на областном градсовете иркутские архитекторы настойчиво ставили вопрос о том, чтобы все шло в нормальной очередности: рассматривали комплексно транспортные проблемы, рассматривали интеграцию объекта в систему общественных пространств левобережья и т. д. Исправление градостроительной документации не стали заказывать или сделали это втайне. Конечно, единовременное передвижение на матч и обратно шести тысяч человек приведет к транспортному коллапсу, если ничего не предпринимать.

АГ Мы проезжали вместе с Дм. Бердниковым от Дворца до школы № 19, и он отметил, что здесь хотел поставить школу, которая хотя бы немного решила проблемы и ЖК «Союз», и Академгородка, и Студгородка; ее и без «Союза» не хватало.

Чувства опасности все-таки у меня нет, потому что промышленность в Иркутске скончалась, он стал торговым городом. Детские площадки есть, их стало намного больше: сейчас найти двор без детской площадки почти невозможно – это большой прорыв. Как правило, на территории двора растет что-то зеленое.

СШ Иркутянин привык бороться за чистоту Байкала, а не Иркутска. Он не видит здесь угроз, нет привычки, нет традиции. С Байкалом выстроилась традиция: попробуй только тронь его. А у нас присутствует фактор чистого неба и чистой воды.

АГ Мы и Ангару никогда не спасали, потому что не было прямых угроз.

АЧ Каждый год приходят абитуриенты, и я замечаю, что с каждым годом уровень культуры все ниже. Уже сформирована тестовость мышления, студенты сами не хотят думать. Они живут совершенно другими категориями: на 3-м курсе они организованны и работоспособны, но при этом работают тестово. Задаю им вопрос из краеведения, истории города – вообще ничего не знают. Нас учили думать, а не выбирать из предложенного списка готовые ответы, думать в первую очередь о деле, а не о себе, добиваться интересного результата. Кто подхватит нашу эстафету заботы о здоровье города?

СШ Мне кажется, что современный человек отличается от 40-летнего тем, что для него пространство частной квартиры не является какой-то абсолютной святыней, которой он молится. Помните, как ужасно выглядели подъезды и дворы в те времена, когда люди полжизни ожидали получения жилплощади, а потом проявляли чудеса изобретательности в оформлении частного собственного пространства? Уже лет 15–20 формируется интерес к тому, что в дворе, на улице. Это отвлекает от своей квартиры, это позитивный фактор для городской среды. Современный человек любит фотографировать и фотографироваться. Для 20–30-ти-летних людей обязательное условие существования – пополнять копилку инстаграма свежими фотографиями, и некая бессознательная потребность в красивом городе и интересном пространстве формируется. Эти два фактора присутствуют в динамике современной психологии.

ЕГ Урбанисты учитывают эту страсть к селфи, фону, рамке. На обновленной Иерусалимской лестнице, главном общественном пространстве этой части «Иркутских кварталов», замечено, что люди делают селфи даже в экстремальные морозы.

СШ Человеку очень важно демонстрировать, что жизнь его удалась, и если он 50 лет назад демонстрировал это хорошо обставленной и организованной квартирой,

то теперь – это еще хороший подъезд, двор и километр вокруг того места, где ты живешь. Это то, что подкрепляет нечто общественно ценное.

ЕГ Я не думаю, что живу в каком-то особенном доме, но у нас в подъезде лет 10 назад начали появляться картины. Потом появились цветы; ходят старшие по подъезду и что-то затевают благоустроительное, сфера преобразование уже расширилась до двора. Марина Ткачева делала репортаж из Университетского, где подъезды расписаны вручную.

АГ Это создает товарную ценность: неважно, что там в квартире, а вот если подъезд обшарпан, это уже не то.

СШ Любой может купить квартиру, а вот порядок во дворе – это эксклюзив.

ЕГ Недавно мы возили по Иркутску московского блогера, который увлечен советской архитектурой, в том числе архитектурой Павлова. Естественно, возили на дом-корабль. И, конечно, поинтересовались, заработали ли должным образом две внутренних улицы в структуре дома. Ответ отрицательный. В 90-е, когда к нам обращались с вопросом, что делать с этими галереями (там чуть ли не бомжи обосновались), мы ответили – поставьте контроль на вход. Но парадоксально, что и сейчас, когда люди уже ощущают подъезды как личное пространство, эти роскошные светлые галереи так не воспринимаются. После опроса жильцов дома-корабля (об этом писал ПБ 59), которые высказались о сложности навигации в самом доме, возникла идея спроектировать навигацию на современном хорошем уровне, а потом устроить выставку объектов Павлова – начать формировать сообщество изнутри.

АГ Действительно, в этом доме картинки с цветочками будут неорганично смотреться на фоне данного брутализма, а вот фотоколлажи с павловскими домами – это могло бы сработать.

ЕГ Александр Владимирович, мы помним, что вы когда-то сказали, что мы, архитекторы, даже еще не донесли до сообщества ценность павловского периода, и пытаемся действовать по мере сил.

АЧ Если делать там постоянно действующую галерею, то это будет музей, экскурсионная площадка.

АГ Шикарное пространство для выставочной улицы иркутских архитекторов!

ЕГ Есть идея рассказать и о том, как В. Бух с В. Воронешским замысливали микрорайон Солнечный с двумя пешеходными бульварами, перпендикулярными проспекту, и том, что реализация может и должна максимально продвинуться к первоначальному проекту.

КЛ Меня недавно втянули в местные разборки по поводу одного из зданий в Софии. Здесь нет такого развитого законодательства по охране памятников, как в России, зато общественность активнее. Это славный особнячок, на месте которого собственник хочет построить стандартное жилое здание – довольно обычная история. Поднялась местная архитектурная общественность, действуя очень решительно: ставят кордоны, перегораживают улицы, останавливают бульдозеры. Беда в том, что активисты никак не могут объяснить, в чем ценность здания, которое находится в очень ветхом, упадочном состоянии. Множество людей не понимают, зачем его нужно охранять. Это тесно связано с сегодняшней темой, потому что талантливые произведения – живые по ощущениям, от них исходит ощущение жизни. Городская среда, в которой мы находимся – очень искусственная, сколько бы мы парков ни затевали. Баланс количества живых

и мертвых объектов – это и есть основа отличия здоровой среды от нездоровой. Даже если объект красивый (мертвый объект тоже может быть красивым), но недостаточно живой, чтобы поддерживать жизнь, он в результате вызывает депрессию. Точечными инцидентами сложно это делать; надо людям объяснять: если они живут среди трупов, то здоровья никакого никогда не будет. Вот зачем нужны талантливые архитектурные произведения в городской среде и какое отношение они имеют к здоровью жителей. Если среда насыщена живыми объектами, то она помогает здоровью, она и есть здоровье. Мне недавно попала на глаза запись обсуждения к 7-летию 130-го квартала на площадке «Точка кипения» с В. Демчиковым в роли обвинителя. Его точка зрения довольна распространенная: дескать, гнилые бревна – это красиво. Надо консервировать и сохранять старые здания в материале. Но они же мертвы, и жить рядом с таким разлагающимся «трупом» опасно. Еще пример – брутализм Павлова. Его здания тяжеловесные, но при этом они все очень живые, с характером. Они сопротивляются давлению на них, они упрямые и живучие. Вот это присутствующее поле жизни необходимо. Я ощущаю сейчас общее настроение, что воля к жизни у людей сильно ослабла. В Европе это заметнее. Люди как бы говорят: если есть возможность хорошо жить – буду жить, а если нету – я лучше помру.

ЕГ Занимаю Вашу позицию, основанную на точности определений, и спрашиваю: а что значит – хорошо жить?

КЛ Много денег, большая квартира, много одежды.

СМ Тогда нужно рассматривать влияние экономики на здоровье и здоровья на экономику.

КЛ По крайней мере, молодежь разбегается отсюда – это очень болезненное явление во всей Восточной Европе. Молодежь не хочет жить на родине и вообще жить не хочет. Необязательно для этого умирать телесно. Огромное количество молодых людей умирает психологически, они превращаются в такие придатки к компьютерам. Особенно в крупных международных IT-компаниях. Казалось бы, отчего не работать в компании 14 часов в день, когда предоставляется квартира, машина, медицинское страхование? Даже зубы бесплатно лечат. Но это не жизнь – это смерть. И такой образ существования многих привлекает. В Россию эта тенденция тоже пойдет. АМ В каком виде площадь Сперанского вам больше нравилась – с домом Павлова или без?

КЛ Именно этот дом Павлова мне страшно не нравился – он меня раздражал, пока стоял на этом месте. И не меня одного. Может быть, он для того такой и был, чтобы дразнить и бередить умы. Без него площадь менее живая, чем была с ним. И сейчас на этом месте образовалась дыра. Без него хуже, чем с ним.

АМ Дыра, по-моему, страшнее, чем руины. Второй вопрос: а что делать с Римом? Он весь в развалинах: Колизей, центр. Но на меня он совершенно не производит депрессивного впечатления.

КЛ Только что знакомые вернулись из Рима и страшно разочарованы. Весь город пропах мочой, настоящий сортир. Развалины производят ужасное впечатление.

ЕГ В вашем монологе, Константин Львович, был эпизод, на который нельзя не отреагировать – об особняке. В последней «Агоре» ведущий Михаил Швидкой вел разговор с архитектурной и околоархитектурной публикой. Участвовал Михаил Хазанов. Он повторил, что все любят антикварную дверную ручку, старинную картину, старинную мебель, а ценность всего этого вместе в виде старинного дома приходится доказывать. Почему возникает такой парадокс, ведь действительно, никакой логики в этом нет?

КЛ Не всякая старинная вещь заслуживает почтительного отношения.

АГ А как это определять, что заслуживает, а что нет? Это очень субъективно!

ЕГ Дилетанты выбрасывают старинные комоды, а гурманы их подбирают и реставрируют.

АГ Например, иркутский коллекционер и мастер Аркадий Давыдов берет почти погибший антикварный комод, своими руками его восстанавливает и вновь превращает в произведение искусства.

КЛ Именно талантливо сделанная вещь является живой, неважно – современная или старинная.

АЧ По поводу дома Павлова. Ведь Павлов сам был очень напористый, брутальный.

ЕГ Более того, Павлов и сам говорил, что архитектура вовсе не обязана веселить, она должна рождать отношение к ней, пусть даже иногда мрачное.

АЧ Талантливый человек в свои произведения вкладывает свою энергию и себя, поэтому они живые. Ведь Павлов не всеми был любим в свое время: его кто-то боготворил, кто-то ненавидел – за это он и пострадал, поэтому его и выжили из Иркутска. И архитектура у него такая же противоречивая: ее кто-то принимает и понимает, а кто-то ненавидит. К нему нетерпимо относились многие интеллектуалы, в первую очередь – из писательских кругов.

ЕГ При этом в своем иркутском периоде он был тонким дипломатом в отношениях с властью, что позволяло ему проводить в жизнь нестандартные решения.

СШ А было ощущение, что Иркутск не готов к Павлову?

ЕГ Конечно. Безусловно, он опередил свое время. Но в другом месте он мог бы вообще не состояться – это еще хуже. Вот Константин Львович говорит, что его раздражал Дом на ногах. Можно провести аналогию: Константин Львович Лидин меня раздражает безумно, но я без этого уже просто жить не могу. Сначала, когда он появился в этом доме, нас просто бесило то, что он задавал такие вопросы, ответы на которые казались аксиомами. На самом деле он будоражит коренное, то, с чего надо начинать, когда идет диалог. Здания Павлова, особенно административное здание горкома и горисполкома, не пафосное и симметричное, как в других городах, а совершенно иное: повторяющее изгиб площади, стоящее на ногах, которые являются пропилями для связи с Ангарой. Общественное пространство заводится под здание. Это необычное, совершенно не свойственное для главных площадей советских городов архитектурное решение, тем более для зданий властных структур. Оно непонятное, оно раздражающее – вызов канонам диктатуры и некое воплощение демократии.

АЧ Любое музыкальное произведение заряжено творцом; если этого не происходит, оно становится холодным. Ту энергию, которую отдает творец произведению, любое произведение потом передает зрителю. Сегодня возле Иерусалимской лестницы так же тепло.

Виталий Барышников Заслуги власти не усматриваем.

СШ По-моему, давно понятно, что если из Иркутска выселить всех иркутян – цены бы ему не было!

АГ Меня угнетает, что новое строительство в своей массе мне не нравится (я не касаюсь технологий и трендовости), но даже и оно мне нравилось бы больше, если бы цвета были поярче. Новосибирск достаточно убогий в архитектурном смысле, но там хотя бы присутствуют какие-то яркие цвета, и в городе хоть что-то по-другому.

ЕГ В Университетском микрорайоне появились яркие здания спорткомплекса и торгового центра, они добавили живости. Но в историческом центре деревянные дома так раскрашивать неуместно. Иногда стремление к цвету приводит к неуместным решениям.

АГ Я никогда не понимал, как могут нравиться некоторые цвета, например розовый замок в Листьянке.

ЕГ Цвет – это отдельная история.

АЧ Я могу дополнить эту историю. Нашлись исторические данные по двум цветам стиля барокко (бордо – темно-малиновый) и классицизма (голубой). Когда представили проект церкви в бордовом цвете, священник этой церкви сказал – нет, давайте приучать людей постепенно. И цвет разбавили. И когда все этот ужас увидели, то возмутились и перекрасили не в голубую классику, а в желтый.

ЕГ Желтый все-таки имеет отношение к классицизму. В центре Иркутска много зданий, которые построены на контрасте фонового цвета и белых деталей (пилястры, карнизы...). Если взять и одновременно группу таких зданий покрасить не в разные цвета, а в желто-белом классическом сочетании России? Некоторые места в городе были бы гораздо гармоничней.

СШ Интересно спросить у людей с цветоведческими вкусами: Иркутск как город для какого времени года больше подходит?

Марина Ткачева Для осени.

АЧ Как минимум полгода – белый. Если взять историческую гамму, город точно будет интересен. А потом включить новаторство – сегодня нужно вносить что-то новое в новом цвете. И тогда будет гармония сознательная и бессознательная. Моя любимая «Традиция», которая красит фасады, использует собственные

представления о цвете, не принимая во внимание исторические гаммы. Например, больше 3 цветов на фасаде – это безвкусица. Сейчас же на фасадах можно увидеть 5–7 цветов.

МТ Хочу продолжить ремарку Сергея Федоровича относительно памятника десантникам и других скульптурных меморий. Я много раз писала о жизни скульптуры в городе. И тема эта продолжается в нашем разговоре. Напыщенный монументализм большинства иркутских памятников лишает горожан возможности взаимодействовать с ними (а не только фотографироваться), лишает жизни. А пассивность – это и есть отсутствие здоровья. Можно вспомнить историю неустановки намдаковского «Бабра»: одним из аргументов против как раз и было то, что его можно будет поворачивать в любую сторону, играть. Не хочется поминать власти всуе, но мне кажется, что с их точки зрения слишком здоровые горожане городу не нужны: уж слишком они активны.

Вот еще пример, который шокировал меня в сентябре прошлого года. Ректор тогдашнего БГУЭП (ныне БГУ, а в просторечии – нархоз) М. Винокуров заботился о том, чтобы пространство университета, коридоры, залы были насыщены оригинальными произведениями искусства. И вдруг я прихожу – и вместо больших картин Шелтунова (яркие и любопытные полотна) висят постеры шедевров мировой живописи из Эрмитажа. Они все одинакового размера, в одинаковых рамках – от Леонардо да Винчи до Ренуара. И уже сейчас начинают выцветать. По коридору невозможно стало ходить, в них стало тягостно. Если говорить о психологическом здоровье, то общение с оригинальными художественными работами является ресурсом для того, чтобы оживить атмосферу в городе. Но город не очень расположен ценить то, чем обладает. Когда возили выставку Иркутского художественного музея в Москву, москвичи задыхались от радости: какой прекрасный музей, какая коллекция! Сибирская Третьяковка! А в Иркутске в музейных залах почти пусто, кроме последней, бесплатной среды месяца.

ВБ Я понимаю, что мне очень нравится Иркутск из-за солнца; я терпеть не могу Москву и Санкт-Петербург – мне они всегда казались совершенно не солнечными, хотя, конечно, все города разные. Но в Иркутске мне не хватает зелени в некоторых районах. К примеру, ЖК «Эволюция» в Ново-Ленино: там есть садик, есть школа, а зелени нет. Меня это напрягает. Я помню старую часть Ново-Ленино: она всегда была в зелени. Новые комплексы коробят не столько из-за цвета, сколько из-за плотности и этажности; они спланированы, как каменные джунгли. Недавно посмотрел фотографию 60-х годов во время первомайской демонстрации. На центральных улицах из-за зелени не видно фасадов. Потрясающее зрелище!

ЕГ Есть простое лекарство – застройщиков нужно обязывать сажать крупномеры, взрослые деревья, следить, чтобы они укоренились. В Москве в историческом центре на стройках пишут: «снесено 5 деревьев, будет посажено 6 крупномерных деревьев». Надо создать правила и контролировать их исполнение.

АЧ Почему так происходило, я немного знаю. В 50-е годы, когда хрущевские дома строили, стартовала всеобщая муниципальная программа озеленения. В Иркутске, как и в других городах, появились Горзеленхоз, питомники и др., которые отвечали за эту программу. Грамотно относились к проблемам города, высаживая тополя, которые очищали воздух и пыль собирали. Что произошло? Специалисты Горзеленхоза высадили тополя вдоль многих улиц, не подумав, как они вырастут и что будет. Утвердив только процент озеленения, мы

ничего не добьемся. Нужна государственная программа, иначе ничего не появится. Что касается саморосов – есть пространство, где они легко приживаются. Сегодня все новостройки затемняют пространство, деревья невозможно вырастить, а ведь еще нужны и стоянки для машин, и места для пешеходов. В мэры должен прийти ботаник-дендролог.

ВБ Такая работа начата в рамках программы по созданию комфортной городской среды. Понятно, что это наблюдение касается не столько центра, где сейчас массово идет замена насаждений, сколько новых районов. Там она, наверное, даже не воспринимается как потребность. В новых районах отсутствуют водоемы, так как город удаляется от реки. В этом году стартует программа по благоустройству первого участка реки Ушаковки, это важный политический сигнал. Там тоже появляются новые комплексы и районы, а реку видно практически отовсюду. Но есть районы, где нет реки и зелени и при этом очень комфортное современное жилье: на Синюшиной горе – 600 квартир и ни одного дерева, в Юбилейном, Радужном дефицит зелени. Озеленение этих районов – посильная задача.

Есть еще и проблема самосознания горожан: характеристики «сибирский Париж» и «сибирская Третьяковка» используются как похвала городу. А ведь это подражательные характеристики. Хотелось бы других сюжетов – про самодостаточность иркутян. Маленькие города не пытаются себя с кем-то сравнивать. А в Иркутске, казалось бы, городе более крупном, с претензией на столичность, в самосознании горожан преобладает идея вторичности.

АЧ Озеленение пройдет только как формальное решение. До нас не докатится понимание, как в Европе, что на благоустройство должно тратиться денег столько же, сколько и на дом. А вот если нужно заключить договор и потратить 50 тыс. рублей на дерево, то лучше поедут и выкопают в тайге.

ВБ А вот это проблема сибирская и даже всероссийская. Потому что у нас море просторов: как говорится, тайга за воротами. Есть интересная идея у нашего фотографа А. Князева: с В. Кузевановым они делают художественный альбом о садах Иркутска. Он вспоминает Юрия Ножикова, который рассаживал елки. Мы можем сейчас назвать по именам тех людей, которые, вопреки традиции, занимались культивированием зелени в городе.

АЧ Меценаты сажали деревья у себя в усадьбах, переносили эту традицию в Александровский сад. Это другая культура.

ЕГ Интересная история с дендрологией в Академгородке, беспрецедентная для Иркутска.

АЧ Там интеллигенция, которая появилась вместе с академическим образованием. Часто езжу мимо, вижу, что там происходит, точнее – не происходит. Думаю, сейчас жители Академгородка уже не в состоянии превратить свою территорию в сад, продолжить традицию своих старших коллег.

ВБ Оригинальность восточной части России – во всех отношениях большая мировоззренческая проблема. Это штрих русской цивилизации, которая, после многочисленных «выламываний» дверей в Европу решила, что мы именно на Востоке создаем нечто свое.

ЕГ Что касается нашего родного города, то можно резюмировать вполне оптимистично: солнца в Иркутске много (как в Сочи), воздух чистый (промышленность – не наш конек), вода чистойшая (прямо из Байкала). Все предпосылки для самого здорового города налицо.